

И. В. Головина*

ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ» И «Я» И СМЕЖНЫЕ С НИМИ В ФИЛОСОФИИ С. А. АСКОЛЬДОВА

Тема личного бытия человека становится все более актуальной для современности. Понятие «личность» является центральным для богословия и философского персонализма XX в. В статье автор подробно рассматривает комплекс ключевых понятий философской системы С. А. Аскольдова: «субстанция», «я», «сознание», «личность», «душа», сопоставляет их с богословскими представлениями о понятии «личность» и представлениями русских персоналистов-лейбницианцев. С. А. Аскольдов, продолжая лейбницианскую линию, тем не менее почти полностью отказывается от употребления термина «субстанция» и фактически заменяет его понятием «я». Автор делает вывод, что в умозрении С. А. Аскольдова ключевые понятия, связанные с понятием «личность», хотя и пересекаются семантически, но не являются полноценными синонимами и имеют различные смысловые оттенки. «Я» связует «сознание» и уже потому не тождественно ему, а «личность» охватывает «единство сознания» и обладает им. Понятие «душа» в свою очередь не является синонимом «личности» или «я», но принадлежит личному «я».

Ключевые слова: Аскольдов, персонализм, лейбницианство, спиритуализм, панпсихизм, субстанция, я, сознание, личность, душа, богословие личности.

I. V. Golovina

THE CONCEPT OF «PERSON» AND «SELF», AND RELEVANT TO THEM IN THE PHILOSOPHY OF S. A. ASKOLDOV

The theme of personal human is one of the topics of modernity growing in their vitality. The concept of personality is central for theology as well as for philosophical personalism of the twentieth century. The author of the paper considers in detail the set of the key concepts of S. A. Askoldov's philosophical system: «substance», «self», «person», «consciousness», «soul». He compares them with the theological ideas on the concept of 'personality' and the ideas of Russian personalists-leibnizians. A conclusion is made that although these concepts

---

* Головина Илона Вячеславовна, магистр теологии, аспирант, Русская христианская гуманитарная академия; shaldon2010@gmail.com

overlap semantically, they are not full synonyms and bear different semantic connotations in Askoldov's philosophy. The «self» unites «consciousness» and therefore already is not identical to it, and «person» embraces the «unity of consciousness» and possesses it. The concept of «soul» is not synonymous to «person» or «self», but the «soul» belongs to the personal self. Sergey Alekseevich, continuing the Leibnizian line, almost completely abandons the usage of the concept of «substance» and basically replaces it with the concept of «self».

Keywords: Askoldov, personalism, leibnizianstvo, spiritualism, panpsychism, substance, self, person, consciousness, soul, theology of person.

Введение

Христианское богословие раскрывает понятие «личность» «сверху вниз» — от триадологии через христологию к антропологии. В Троице мы различаем Единую природу и три Лица, или Личности, — Бога Отца, Бога Слова и Бога Духа Святого. Во Христе Иисусе две различные природы, Божественная и человеческая, воипостазируются вторым Лицом Святой Троицы. Личность же человека, с богословской точки зрения, есть нечто сообразное божественному и то, «благодаря чему человек несводим к своей “природе”» [15, с. 327–328]. В богословии личность не отождествляется и не отделяется от природы, и по слову выдающегося мыслителя XX в. В. Н. Лосского (1903–1958), «в согласии с догматом веры, утверждающим неизглаголанное различие трех Лиц и единой Природы в Боге, надо находить то же таинственное различие и в существах, созданных по образу Божию» [12, с. 510–511]. Персоналисты [20] же, путем «человеческой философии, основанной на разуме» [1, с. 186], т. е. «снизу вверх», в отличие от богословов, сначала усматривают субстанциональное бытие на низших формах бытия, и уже далее переходят к признанию человеческой субстанции и к Высшей Субстанции — Богу.

Главным понятием в персонализме, как правило, является «субстанция» [6], или «монада», — конкретно-идеальное бытие [11, с. 414], которое у Готфрида Вильгельма Лейбница, основоположника этого направления, получает смысл активного и подвижного начала. Краеугольным камнем панпсихизма Алексея Александровича Козлова (см.: [9]), воспринявшего идеи Г. В. Лейбница, Г. Тейхмюллера и Р. Г. Лотце, является понятие «духовная субстанция» — синоним монады. «Духовные субстанции» А. А. Козлова способны к взаимодействию и составляют единую мировую систему, тогда как монады Лейбница еще не имеют «окон» и не взаимодействуют друг с другом. Николай Онуфриевич Лосский в своей философии интуитивизма, продолжая идеи Г. Лейбница и А. А. Козлова, использует уже понятие «субстанциональный деятель». Он вносит существенные дополнения в понимание субстанции, и, в отличие от Лейбница и Козлова, «субстанциональные деятели» Лосского способны не только к взаимному соприкосновению между собой, но и влиянию друг на друга [7].

Сергей Алексеевич Аскольдов [14, с. 443–445], продолжая «лейбницеанскую традицию в русской философии» [18, с. 17], и в первую очередь развивая панпсихизм А. А. Козлова [1], использует понятия «субстанция», «я», «сознание», «личность», «душа», которые на первый взгляд могут показаться в его философии синонимичными и взаимозаменяемыми, но это лишь первичное

ощущение. На философское творчество Сергея Алексеевича также оказали влияние воззрения персоналистов Г. Тейхмюллера, А. Бергсона, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского и философа Вл. Соловьева [19, с. 64]. В статье мы подробно проанализируем употребление этих понятий С. А. Аскольдовым и их смысловую нагрузку, попытаемся сопоставить их с богословскими представлениями о понятии «личность» и сравним с представлениями других русских персоналистов-лейбницианцев [13].

Субстанция

По мнению философа «субстанция есть в каждой конечной частице бытия. И если бы ее не было, то не было бы и никакой действительности» [2, с. 286]. Аскольдов считает, что понятие «субстанция» есть «лишь несколько исправленная, но в тоже время потерявшая всю свою конкретную живость и индивидуальность, вещь наивного реализма» [2, с. 96], и в отличие от Г. В. Лейбница и его последователей — А. А. Козлова и Н. О. Лосского, он почти полностью отказывается от использования понятия «субстанция», заменяя его понятием «я». Аскольдов уверен, что в настоящее время понятие «субстанция» несет слишком формально-абстрактное содержание, и хоть и включает в себя признаки вечности, независимости, самостоятельности, но также и неподвижности и мертвенности, которые, по его мнению, «лишь с большим ограничением приложимы к нашему я» [3, с. 233]. Не отрывая понятие «я» от понятия «субстанции» и используя их в определенной степени как синонимы, философ ясно постулирует субстанциональность «я» [2, с. 191], но в то же время, не отождествляет ее с распространенными философскими определениями субстанции, оставляя за «я» признаки целостности и единства и отбрасывая признаки неподвижности и мертвенности [2, с. 191].

Понятие «субстанция» для Аскольдова «выражает лишь апелляцию к высшему и содержательному, переход от случайного к существенному или от бывающего к бытию» [2, с. 289]. Он стремится преобразить понятие «субстанция», но не находит в этом слове необходимых для его интуиции коннотаций и содержания, предпочитая термин «я». Эта замена понятия «субстанция» на понятие «я» является одной из особенностей, отличающих С. А. Аскольдова от других лейбницианцев.

Я

Субстанциональность «я» С. А. Аскольдов определяет на основе целостности, единства и непрерывности сознания [4, с. 84]. Такое определение «я» говорит о его фундаментальной уникальности и неповторимости наряду с некой метасознательностью.

Утверждение С. А. Аскольдовым бытия «я» «как некоторой связанной и объединенной системы состояний сознания» [4, с. 85, 104] говорит о синтетичности его представлений о «я» и его «сознании». Под «связностью» он понимает «некоторое подвижное взаимоотношение между элементами, по которому один элемент непрерывно переходит в другой с известной степенью повторности или законосообразности» [4, с. 85]. А под «объединенностью» — «отличие этой системы, как особой отдельной сущности, от простой суммы состав-

ных элементов» [4, с. 85]. Богословско-антропологическим представлениям о синтетичности личности и ее динамичности [16] соответствует мысль С. А. Аскольдова о том, что «сознание своего «я» состоит в переживании ощущений, чувств, желаний, актов воли, представлений и мысли в их связности и подвижности» [4, с. 99].

Мы находим у С. А. Аскольдова и такое определение: «...“я” есть единство всех своих актов и состояний, их творческое начало, осуществленная совокупность и предчувствуемое продолжение» [2, с. 287]. Наше «я», «постоянно собирающее свое прошлое и предвещающее свое будущее», несет собирающую функцию и нераздельно связывается Аскольдовым с «непрерывностью сознания» и «памятью» [2, с. 287]. Философ отказывается от использования понятия «субстанция» и заменяет его понятием «я», одновременно и утверждая его субстанциональность, и придавая ему новые качества, относя «я» к реалии «высшего порядка», к метасознательности, что соответствует представлениям богословским о несводимости личного начала к сколь угодно утонченной субстанции, в т. ч. ментальной.

Сознание

Сознание, по мысли философа, — это «первоначальное, в себе данное, действительное, а не кажущееся, бытие» [4, с. 90]. С. А. Аскольдов вслед за А. А. Козловым постулирует «первичность нашего непосредственного сознания, к нему постоянно апеллирует» [10, с. 611]. Он включает в область достоверного бытия «все состояния нашего сознания, а именно ощущения, чувства, влечения, т. е. все то, что Декарт признавал лишь модусами мышления» [4, с. 83].

Отождествление «сознания» с «действительным» или «подлинным» бытием свойственно Лейбницу и всем его последователям. У Лейбница подлинное бытие монады состоит именно в смене внутренних состояний сознания, от перцепции к апперцепции [11, с. 415]. В то же время «сознанием», пишет Аскольдов, «мы называем всю область чистого опыта, поскольку она рассматривается лишь со стороны переживания ее нашим индивидуальным я» [2, с. 179]. Очевидно, что он не отождествляет «я» и «сознание», в его философской системе «я» «переживает» и «связует» все области чистого опыта сознания. И это еще одна особенность, отличающая С. А. Аскольдова от последователей идей Лейбница. И тут мы наблюдаем растущее сходство взглядов философа с богословским видением «сознания» как одного из свойств «личности», не тождественного ему в свете одновременного единства личности с сущностью (действительным бытием) и несводимости к ней.

Личность

Продолжая «линию онтологии личности Тейхмюллера–Козлова» [17, с. 21], Аскольдов намечает «основы для построения адекватной психологической теории личности» [17, с. 21]. Понятие «личность» он определяет как «наибольшую связность “единства сознания” или “я” с глубинными, неизменными и характернейшими переживаниями» [5, с. 47]. У Аскольдова «личность» охватывает «единство сознания» или «я» с глубинными переживаниями,

но не тождественна им. Человек мыслящий и наделенный памятью «предназначен быть личностью» [5, с. 49]. Важнейший атрибут личности — это «глубокое самоопределение человека», т. е. его самостояние в мире. Тут речь идет очевидно о «само-деятельном» начале личности, ее «само-ипостасности», или «автургичности» [16, с. 185].

Порой отождествляя «сознание» и «личность», философ говорит о прекращении личного бытия при утрате «непрерывности сознания», «собирающей функции», или «памяти» [5, с. 43]. Для христианской же антропологии утрата, или скорее умаление, этого свойства личности не означает прекращения ее бытия. Мы встречаем у С. А. Аскольдова и мысль о том, что «лишь непрерывность “я” освещаемая памятью, связующая мыслью прошлое, настоящее и будущее создает личность» [5, с. 43]. Эта мысль о «создании личности» расходится с богословской точкой зрения, согласно которой личность появляется одновременно с природой, т. е. в момент зачатия [8], а степень осознанности соответствует «актуализации» личного начала, но отнюдь не «появлению» его в процессе жизни. Тут Аскольдов размышляет более как практик-психолог, чем как богослов, и потому склонен отождествлять «личность» и «сознание».

Но в то же время он сам признает, что «непрерывность сознания» остается, даже если она плохо осознается, особенно у человека, больного душевно. И даже у здоровых людей «сознание “смутно” в нашем “я”» «в его усилиях сохранить прошлое и созидать свое будущее» [2, с. 288]. С. А. Аскольдов утверждает, что недостаточная ясность сознания еще не означает «поверхности» или «феноменальности» нашего «я». Наше «я» есть несомненная «субстанция», но скорее всего наше сознание «не достигает всей ее глубины» [2, с. 287].

Здесь мы можем резюмировать, что «сознание», «я», и «личность» не тождественны у Аскольдова, но он не всегда ясно их различает.

Душа

В вопросе о взаимодействии отдельных «сознаний» или «я» друг с другом Аскольдов предлагает остановиться на понятии души «как некоторого подвижного, непространственного единства» [3, с. 233]. Душа «как совокупность человеческих переживаний, комплекс событий внутренней жизни, — пишет Аскольдов, — есть нечто большее, чем простая совокупность тех или иных энергий или процессов» [5, с. 40]. В другом месте мы находим у него, что «душа» — это «область специфической принадлежности тому или иному индивидуальному я» [2, с. 179]. Эти выражения дают нам основание полагать, что понятие «душа» все же не является в философии С. А. Аскольдова полноценным синонимом понятий «личности» или «я», а соответствует чему-то принадлежащему нашему «я». Также мы встречаем у Аскольдова и употребление термина «душа» не в наиболее распространенном понимании, как духовной сущности, обитающей в теле, но как некой суммы жизненных переживаний, «внутреннего мира» и опыта человека [2, с. 179]. При этом он становится близок к отождествлению понятий «душа» и «сознание».

Мы убеждаемся, что смысловые поля понятий «сознание», «я», «личность», «душа» у Аскольдова имеют значительные области пересечения. Но все же

«душа», как часть нашей природы, не является синонимичной понятиям «личность» и «я» ни у Аскольдова, ни в богословии.

«Я» и «не-я»

С. А. Аскольдов полемизировал с представителем русского критицизма профессором Александром Ивановичем Введенским (1856–1925) о том, что «я без не-я пусто». Согласно Аскольдову, подобное утверждение приводит к тому, что невозможно сознавать свое «я», «не сознавая в то же время какого-нибудь “не-я”, которое, таким образом, является определяющим моментом в сознании нашего собственного я» [4, с. 90]. Из положения, что «я без не-я пусто» вытекает и то, «что мы вовсе не имеем непосредственного знания о своем “я”, что наше знание о “я” опосредствовано знанием о “не-я”» [4, с. 90]. Иными словами, «мы сами не сознаем себя, как что-то само по себе сущее, как вещь в себе, но всегда как нечто являющееся нам через что-то другое» [4, с. 90]. Подобные критические рассуждения Аскольдова свидетельствуют о схожести его мысли с богословским представлением о личности не как о «формирующейся» или «конституирующейся» в общении с себе подобными (за счет соотношения «я» и «не-я» в частности), но как о данности, связанной напрямую с собственной (индивидуализированной) сущностью.

Заключение

В результате проведенного исследования, несмотря на не всегда ясную формулировку понятийных границ и коннотаций ключевых терминов у С. А. Аскольдова, мы можем сделать вывод, что он признает субстанциональность «я», «сознания», «личности» и «души», что соответствует общей тенденции философского персонализма и богословскому видению субстанциональности личности. Упомянутые понятия хотя и во многом пересекаются семантически в его философии, но не являются синонимами и имеют различные смысловые оттенки, которые не всегда четко сформулированы философом.

Понятия «я» и «личность», сохраняя свою субстанциональность, близки между собой в творчестве С. А. Аскольдова, что соответствует богословским представлениям о личности. А понятия «субстанция», «сознание» и «душа» в творчестве философа все же ближе к понятию сущности, чем личности.

В ходе анализа были выявлены две особенности идей С. А. Аскольдова, отличающие его от других лейбнизианцев. Первая — это то, что философ отказывается от активного использования понятия «субстанция» и заменяет его понятием «я». И вторая — то, что он не полностью отождествляет «я» и «сознание». Понятие «я» у Аскольдова «переживает» и «связует» все область чистого опыта сознания, что сближает взгляды философа с богословским видением «сознания» как свойства «личности».

Неточность понятийного аппарата С. А. Аскольдова вызывает трудности для исследования его творчества. Порой у него встречаются прямо противоположные суждения. Например, не соответствующее богословской антропологии утверждение об «образовании» или «формировании» личности в процессе развития человека контрастирует с его же представлениями о личности как о данности, связанной напрямую с собственной сущностью.

Рассматривая проблему личности, философ говорит о «глубоком самоопределении человека» и о «само-деятельном» личностном начале. Порой отождествляя «сознание» и «личность», С. А. Аскольдов допускает прекращение личного бытия если теряются «непрерывность сознания» или «память». Но в тоже время он сам признает, что «непрерывность сознания» все же должна присутствовать, даже если она плохо осознается человеком. И тут наличествуют противоположность и неточность формулировок Сергея Алексеевича.

По сравнению с предшествующими персоналистами, в работах Аскольдова более явно выражается положительная религиозная установка. В частности известно, что в конце жизни философ переосмыслил свой труд о перевоплощении душ, на основании несовместимости этой идеи с библейскими и богословскими представлениями о личности, и сжег его. Творческий персонализм С. А. Аскольдова представляет интерес как для философов, так и для богословов и психологов, особенно при рассмотрении его в контексте развития философии персонализма в сравнительном ключе по отношению к христианскому богословию личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов. — М.: Путь, 1912. — 233 с.
2. Аскольдов С. А. Мысль и действительность. — М.: Путь, 1914. — 391 с.
3. Аскольдов С. А. Понятие души. Иерархия душ // Аскольдов С. А. Основные проблемы теории познания и онтологии. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. — С. 206–236.
4. Аскольдов С. А. Сознание как «вещь в себе» // Аскольдов С. А. Основные проблемы теории познания и онтологии. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. — С. 81–105.
5. Аскольдов С. А. Сознание как целое. Психологическое понятие личности. — М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1918. — 54 с.
6. Гайденок П. П. Субстанция // Электронная библиотека Института философии РАН. — URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facd67eb2c0adb05e9f> (дата обращения: 10.02.2019).
7. Головина И. В. Представления о понятии «субстанция» русских персоналистов Козлова А. А. и Лосского Н. О. // Актуальные вопросы церковной науки. — 2019. — № 1. — С. 243–246.
8. Димитрий (Першин), иером. Почему эмбрион — человек? Статус человеческого зародыша в свете богословия // Православие.Ru. — URL: <https://pravoslavie.ru/1209.html> (дата обращения: 22.03.2019).
9. Ермичёв А. А. Об Алексее Александровиче Козлове — нигилисте, который раскаялся... // Соловьевские исследования. — Иваново: Ивановский гос. энергетический ун-т им. В. И. Ленина, 2016. — № 3 (51). — С. 108–128.
10. Зеньковский В. В., прот. Неолейбницаизм в русской философии. Козлов. Аскольдов. Лопатин. Лосский // Зеньковский В. В., прот. История русской философии. — М.: Академический проект, Раритет, 2001. — С. 599–641.
11. Лейбниц Г. В. Монадология / пер. с франц. Б. П. Боброва // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1982. — Т. 1 / ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. — С. 413–429.

12. Лосский В. Н. Богословие и Боговидение. Сб. ст. / под ред. В. Пислякова. — М.: Свято-Владимирское братство, 2000. — 628 с.
13. Лосский Н. О. Русские персоналисты // Лосский Н. О. История русской философии / пер. с англ. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 182–186.
14. Лосский Н. О. С. А. Алексеев (Аскольдов) // Лосский Н. О. История русской философии / пер. с англ. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 443–445.
15. Лосский Н., диакон. Понятие о личности по В. Н. Лосскому // Православное учение о человеке. Избранные статьи. — М.; Клин: Синодальная богословская комиссия, Изд-во Христианская жизнь, 2004. — С. 324–329.
16. Мефодий (Зинковский), иером. Опыт систематического изложения свойств человеческой личности // Мефодий (Зинковский), иером. Святоотеческие категории и богословие личности. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. — С. 173–220.
17. Петруня О. Э. Сергей Алексеевич Аскольдов: Несостоявшаяся революция в теории познания // Аскольдов С. А. Гносеология: Статьи. — М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — С. 4–37.
18. Фирсова Л. В. Аскольдов С. А. // Русская философия. Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. — М.: 2014. — С. 17–18.
19. Хализев В. Е. Андреев (псевд. Аскольдов) Сергей Алексеевич // *Summa culturologiae*. Энциклопедия: в 2 т. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — Т. 1. — С. 63–65.
20. Personalism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/personalism/> (дата обращения: 12.05.2018).